

Николай Самуйлов

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ
МАЙОРА ПРОНИНА.
СЕРЕБРИСТЫЙ
МЕТАЛЛИК

Детективы

Николай Самуйлов
День рождения майора
Пронина. Серебристый
металлик. Детективы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29802502

ISBN 9785448569562

Аннотация

Оперативный уполномоченный Максим Роцин ведёт расследование убийства майора милиции в отставке Пронина. Он вместе со стажёром проверяют алиби родственников и знакомых и во время проведения следственного эксперимента убийца неожиданно проявляет себя. Второе дело об убийстве неизвестного мужчины также раскрывается во время проведения следственного эксперимента, а убийцей оказывается смертельно больной мститель...

Содержание

День рождения майора Пронина, или Минорное дело	5
Глава первая	5
Глава вторая	16
Глава третья	19
Глава четвёртая	32
Глава пятая	41
Глава шестая	54
Глава седьмая	65
Конец ознакомительного фрагмента.	75

**День рождения
майора Пронина.
Серебристый металлик
Детективы**

Николай Самуйлов

© Николай Самуйлов, 2017

ISBN 978-5-4485-6956-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

День рождения майора Пронина, или Минорное дело Повесть

Глава первая

В ресторане «Рейн» малоллюдно и поэтому тихо.

Лейтенант Скворцов сидит напротив меня и ест мороженое. Громко стучит ложечкой по дну вазочки и размазывает по нему перезрелую клюкву, которую ресторатор Гоча Ашотович Абрамян лично положил в наши порции.

Я со своим лакомством уже расправился, насладившись кислыми ягодами, смешанными со сладкими сливками. Покончив с яством, поборолся с вождедением повторить за-каз...

Победил всё-таки я, старший лейтенант полиции Максим Рощин, оперативный уполномоченный Городского управления...

Отрываю взгляд от вазочки лейтенанта, вытираю салфеткой губы и в который раз за проведённое в заведении время приступаю к визуальному исследованию напарника. То есть исподтишка посматриваю на недавно испечённого лейтенанта и фантазирую насчёт совместных действий в момент кон-

такта с нарушителями. Если таковые появятся на нашем пути...

Пока ничего не вырисовывается. Личность напарника за семью печатями. Да и ожидаемые злоумышленники тоже лишь виртуальны. Сегодня могут и не прибыть на не назначенную встречу...

Наше нахождение в ресторане, по мнению моего шефа полковника Токарева, не что иное, как «учебно-оперативное задание». В карьере юного полицейского оно первое. Да и у меня их было не так много. Впрочем, анализировать самого себя в данном амплуа рано, а напарника тем более. Нам ещё предстоит по пудику соли съесть, что бы приблизиться в избранном ремесле к асам сыска.

Мишу Скворцова после окончания юридического института направили в распоряжение Городского управления внутренних дел, и он вот уже три недели стажирруется в должности опера Зареченского района города Энска.

Коренной житель, холост, проживает с родителями и двумя братьями в малогабаритной квартире. Это всё, что мне удалось выудить из него в ходе разведывательного опроса.

Выглядит парень лет на восемнадцать, с нетронутым бритвой белёсым пушком на юном лице, большими синими глазами и вьющимся чубом на крупной голове.

Молчаливый и симпатичный блондин. Официантки и посетительницы ресторана бросают в сторону Миши красноречивые взгляды. А он их игнорирует. Ему в данный момент

не до взоров юных дев. У него первое оперативное задание.

На меня девушки тоже поглядывают, но и мне это без надобности, так как я уже женат и в браке счастлив.

Юного напарника я совсем не знаю. Однако есть время до конца рабочего дня, что бы изучить молодого лейтенанта.

Вот он, сидит напротив, и ковыряется в вазочке с растаявшим яством. И ничего особенного, кроме юношеской внешности, я в напарнике не нахожу. Обыкновенный салага. К тому же стесняется недавно приобретённого статуса полицейского. Выручает неброская штатская одежда. И, возможно, моё присутствие. Он понимает, что все ментовские сюрпризы, если таковые возникнут во время нашего дежурства, я приму на себя, как старший по чину и званию...

Полковник Токарев, при представлении мне стажёра, сказал: «Учи!»

Эх, мне бы самому чему-нибудь научиться!

Сегодня в Энске реализуется очередной этап важной общегородской операции, в которой и нам доверили толику ответственности.

Два часа тому назад Мишу вызвали из Зареченского отдела и определили ко мне в помощники. Мы сейчас даже не оперативная группа. Просто сидим в заведении на первом этаже, кушаем мороженое и молчим...

Ожидаем. Ещё не ясно чего. Я спокоен, а Миша немного нервничает.

Нас направили в ресторан «Рейн» подежурить и понаблю-

дать за посетителями. А также изобличить распространителей и потребителей наркотиков, если таковые появятся в заведении... и задержать их с поличным.

Сейчас ещё не наступил весёлый вечер. Но он приближается.

Неделю тому назад в адрес полковника Токарева поступило сообщение о распространителях героина и спайса, почти открыто «работающих» в ресторане «Рейн». Возможно от самого Гочи Абрамяна. Заказывая мороженое, я намекнул ему о цели нашего визита.

Ресторан «Рейн» – территория Слободского района. А я – бывший в этих местах участковый уполномоченный. И ресторатор Гоча Ашотович мне хорошо знаком.

Токарев посчитал этот факт основополагающим и определил меня на хорошо знакомую «землю», покинутую мной в связи с переводом в оперативную службу. А что бы я ни скучал, нашёл мне помощника, стажёра из Заречья.

Я не скучаю. Я изучаю окружающее пространство и Мишу. А он притих и «гадает» на клюкве, раздавленной в вазочке с мороженым.

Сидим здесь почти час, с 16.00. А сейчас – 16.56. Хорошо, что на первом этаже мало посетителей. Никому, кроме двух голенастых любительниц «Эскимо», глаза не мозолим. Иначе, пришлось бы шифроваться, заказывать дополнительные порции мороженого, пить пиво, а то и вино... Нет, только

не это! Вино у Гочи креплёное и не очень вкусное...

В общем, сидим, ждём...

Так, а что там у нас за окном?

А за окном видна асфальтированная площадка с припаркованным туристическим автобусом. Туристы сейчас утоляют голод на втором этаже ресторана.

Дальше, за кованой оградой раскинулся парк. Над жёлто-коричневыми кронами берёз, ещё непрореженными злыми ветрами, на светло-голубом небосклоне висит бледное солнце. Рядом с ним кружат в прощальном хороводе стайки перелётных птиц.

Над крышей автобуса в потоке воздуха проплывает вереница мёртвых насекомых, кусочков сухих листьев и мелкого мусора, соединённая невидимой глазу ниточкой паутины.

Под окном, в нанесённом ветром ворохе опавших листьев копошатся воробьи. Знакомый мне кот, по прозвищу Ночной Дозор, уместился на парапете летнего павильона и наблюдает за пернатыми. Охотиться на птах он не собирается. Его в ресторане и так неплохо кормят. А шустрые воробьи, видимо догадываются о сытости их исконного врага и не спешат покинуть облюбованный уголок, наполненный мёртвыми мухами и семенами растений.

Возле входа в ресторан прохаживается охранник в дорогой униформе: чёрный костюм, белая рубашка, дорогой галстук, сверкающие лаком туфли. Слева над карманом пиджака

ка висит бейдж с названием охранной фирмы и именем парня. В зубах дымится тонкая сигарета. Красивое лицо, словно вырезанное из красного гранита, походит на облик супермена из американского боевика. Трёхдневная щетина подправлена бритвой на шее и на щеках. В глазах неподкупная предупредительность. Задавать вопросы этому «секьюрити», смысла нет. Он либо проигнорирует их, либо хорошо проинструктирован своим начальством и задаром через губу не переплюнет, если «бесплатный сервис» не означен в договоре об охране.

И он нам, скорее всего, не помощник...

В город пришла золотая осень.

Тепло, листопадное разноцветье то радостью, то печалью накатывает на душу и заставляет задуматься о скоротечности времени.

В кармане завибрировал мобильник. Звонит моя Зара. Время: 16.57.

– Максим, ты сегодня придёшь домой поздно? – спрашивает жена.

– Да, милая! Но я обязательно приду! Как там наш малыш?

– Не беспокоит. Уже давно не беспокоит. Готовится к выходу в свет.

– Обо мне не тревожься. У меня всё хорошо...

– Твой ужин в холодильнике. Придёшь, разогреешь.

– Спасибо, милая!

Убираю телефон в карман и обращаю внимание на напарника.

Миша улыбается и спрашивает:

– Максим Викторович, у вас есть ребёнок?

– Первого октября должен явиться на Свет Божий.

– Первого октября?

– Плюс-минус сутки.

– Вы – уверены?

– Более чем... Это скоро... Ожидаем...

До первого октября ещё неделя и мы с моей Зарой проживаем каждый день с надеждами на счастливый исход беременности.

Ждём рождения сына...

Подходит Гоча Ашотович и садится за наш столик. Выдающимся армянским носом указывает на мою вазочку и спрашивает:

– Понравилось?

– Очень! – отвечаю я. – Спасибо.

– А летом у нас было: с клубникой, черникой, малиной.

Теперь пришла осень. Клюкву из самой тундры доставили... Ещё принести?

– Нет! – отвечаю я, преодолевая внутреннее сопротивление.

Гоча улыбается:

– Понимаю, служба... Максим Викторович, я вас сразу же

оповещу, как только эти ребята появятся. Сегодня пятница и они обязательно будут. У нас теперь видеокамеры везде стоят. Благодаря вам и Петру Петровичу. Я в своём кабинете целый вечер на мониторах кино смотрю. Вижу, как посетители нашего заведения много выпивают и медленно превращаются из приличных людей в животных. Вах! Не скажу в каких. Наверное, каждый в своего далёкого предка... А ребята, которых вы ждёте, не превращаются. Они пьют мало. Они культурно отдыхают, разговаривают, читают газеты, наслаждаются кофе. К ним иногда обращаются завсегдаи моего заведения, и они по одному куда-то выходят. Я проследил. Они – или в туалетную комнату на первом этаже... Это здесь. – Гоча указывает на двери с известными логотипами. – Или на улицу. А там их встречают посетители клуба «Галактика» и пивного бара «Бавария». Короче, сбытчики наркотиков наладили в моём ресторане опасную для молодёжи торговлю... Я полковнику Токареву сразу об этом сообщил, как только обнаружил их бизнес... Уже неделя прошла, а вы только сегодня отреагировали. Сколько человек испортило себе жизнь за это время?!

Ресторатор стреляет хитрым взглядом, словно упрекая в моём лице всю энскую полицию в нерасторопности.

– Гоча Ашотович, а самим трудно было предупредить этих ребят? Или просто выпроводить их на улицу? Ведь они бы послушались вас. То, чем они занимаются – подсудное дело. И сроки им светят приличные.

– Я должен их предупреждать?! – восклицает ресторатор. – А полиция для чего? Это же – преступники! По ним тюрьма плачет!

– Согласен. Это – преступники! Но имидж своего заведения нужно поддерживать на цивилизованном уровне, Гоча Ашотович! Не смотря ни на что! И этих глупых мальчишек нужно спасать! Всем миром... То, что вы позвонили Петру Петровичу, с вашей стороны – благородный поступок. И энская полиция отреагировала на сообщение своевременно. За прошедшую неделю мы выследили целую артель сбытчиков, и выявили несколько замаскированных хранилищ распространителей зелья. Сегодня последний день сбора фигурантов по возбуждённому неделю назад уголовному делу. Этих культурных посетителей вашего заведения будем задерживать. Если они появятся... И потребителей товара – тоже... Надеюсь, мероприятие пройдёт без эксцессов. Вам ведь не нужен погром в ресторане, Гоча Ашотович?

– Что вы, что вы, Максим Викторович! Вы там с ними аккуратнее! Мы в этом году импортную мебель приобрели! Очень красивую и дорогую!.. – Гоча Ашотович наклоняется ко мне: – А мне что делать, когда вы с ними... того?

– Не паниковать, в наши действия не вступать! Предварительно никому ничего не сообщать. А после задержания, выявить и зафиксировать посетителей заведения, которые смогут нам помочь в качестве свидетелей сбыта наркотиков. А если задержим ребят с товаром на руках, то пусть побудут

понятыми при его изъятии с фиксацией в протоколе... Да, и ваше заявление в письменном виде по данному факту, конечно же, будет иметь первостепенное значение. Обязательно напишете, Гоча Ашотович... Ваш охранник, что работает у входа в ресторан, должен был видеть моменты встречи дилеров и потребителей. Мы с ним обязательно побеседуем. Кстати, и он мог бы заняться профилактикой правонарушений в вашем заведении...

– Вах!.. Это не воин, это – мальчик Кен, кавалер девочки Барби! – Гоча Ашотович бросает грустный взгляд на охранника. – Весь из себя красивый, здоровый и непробиваемый. По этой части я ему чуть-чуть завидую. Но у него в голове нет места мыслям, которые нужны при принятии правильных решений. Думает долго... Или совсем не думает.

Похоже, я был близок к истине в оценке охранника.

Гоча снова обращает внимание на нас.

– Максим Викторович! Только что на стоянку въехала иномарка. Обратите внимание: синий «Форд»! Это они... Да, это они!.. Я уйду к себе, буду смотреть их по телевизору. Как только они того... я звоню на ваш номер!

– Договорились, Гоча Ашотович.

Ресторатор удаляется. А Миша спокойно вытирает салфеткой губы, вздыхает и говорит:

– Наконец-то!

И тут я вижу, как лейтенант Скворцов мужает лицом и превращается в решительного борца с преступностью.

И лет ему уже за двадцать. И у него не только крупная голова, но и широкие плечи с мускулистыми руками. Да и ростом он под метр восемьдесят...

Сработаемся, – думаю я про Мишу, украдкой рассматривая молодых людей, входящих в ресторан...

Электрические часы над входом показывают: 17.03...

Глава вторая

Пётр Петрович внимательно читает мой отчёт в виде рапорта о задержании продавцов и покупателей наркотиков.

– Белый порошок изымали прямо в ресторане? – спрашивает он, не поднимая взгляда от рапорта.

А я в это время думаю о супруге и нашем ещё не родившемся ребёночке...

– Так точно, товарищ полковник! – выручает меня лейтенант Скворцов, встаёт и добавляет: – При свидетелях. Изъято пятнадцать доз белого порошка и шесть пакетов курительной смеси.

Токарев смотрит на меня:

– Макс, балуешь стажёра! На вопросы начальства должен отвечать старший по званию, или старший в группе.

– Виноват, товарищ полковник, – мямлит стажёр и садится.

– Извините, Пётр Петрович, – спохватываюсь я. – Задумался.

– Задержанные фигуранты и собранный материал переданы в Слободской отдел?

– По территориальности, Пётр Петрович, в Слободской отдел, – подтверждаю я. – Документы и задержанных ребят принимали: дежурный офицер Зинченко и оперуполномоченный майор Конь. Подполковник Тузов находился на тер-

ритории. Но он – в курсе.

– Фигуранты вели себя спокойно?

– При задержании неповиновения не оказывали. Они просто испугались. Студенты автодорожного техникума. Дети ещё!..

– Теряем хорошую молодёжь! – Токарев закрывает папку с бумагами. – В понедельник дам поручение местным оперативникам и участковым на проведение в учебных заведениях города лекций на тему: о борьбе с распространителями и потребителями наркотических веществ. Или что-нибудь в этом плане. В профилактических целях. Стоит ослабить вожжи, так кони тотчас в галоп...

Пётр Петрович снова приоткрывает папку и ещё раз пристальным взором пробегаётся по рапорту, а потом смотрит на нас.

– Сегодня полиция города поработала на славу. И вы не ударили в грязь лицом... Осталось вычислить поставщиков зелья и найти главные хранилища в городе и области... Так что, коллеги, с задержанными фигурантами нам ещё предстоит кропотливая работа. И чует моё сердце, проблем с наркотой будет много... Упразднили в городе армейский режим на свою голову! Теперь благополучный город Энск открыт всем злым ветрам цивилизации...

Токарев надувает щёки и шумно выдыхает воздух. Видно, что шеф устал не меньше нашего.

– А сейчас по домам, – говорит он, укладывая документы

в сейф. – Спасибо за службу!.. А с утра ко мне на инструктаж... Оба... В десять ноль-ноль.

– Суббота, – бурчит Миша и тут же скороговоркой добавляет: – Товарищ полковник, а как же моя стажировка в Зареченском отделе?

– Суббота... – в тон стажёру ворчит шеф, захлопывая дверцу сейфа. – Я тоже буду на службе.

Пётр Петрович, с осенней грустью в глазах, смотрит в окно, на взошедшую над городом луну и не глядя на нас, но уже с грустью в голосе, добавляет:

– Есть одно минорное дело, которое нужно распутать. Желательно до октябрьских дождей и снегопадов. Точнее, до конца квартала. Как раз по месту твоей стажировки, лейтенант, в Заречье... Всё, коллеги, по домам!..

И мы выходим в лунную прохладную сентябрьскую ночь.

Свет из окон кабинета Токарева, что на втором этаже, освещает площадь перед входом в здание Городского управления полиции. У шефа рабочий день ещё не закончился...

Хронометр мобильного показывает: 23.05.

У нас ещё есть время для полноценного отдыха...

Глава третья

Лейтенант Скворцов и капитан Окуневский – опер из Зареченского отдела, «прилипли» к открытому окну «аквариума» и разговаривают с майором Бабаевым – начальником дежурной части управления. Я подхожу к ним, приветствую всех и спрашиваю у майора о наличии на рабочем месте полковника Токарева.

– У себя, – подтверждает майор. – Ждёт.

И мы втроём идём по широкой лестнице на второй этаж. Трепещущие цифры на древних электрических часах показывают: 09.58.

Ровно в десять часов мы стучимся к шефу и отворяем дверь в уютный кабинет, приспособленный не только для совещаний в рабочее время, но и для комфортного пребывания здесь хозяина в любое время суток. За спиной шефа виднеется приоткрытая гардина закрывающая вход в «будуар», предназначенный для отдыха во время суточных и авраль-ных дежурств. В нём же принимаются проверяющие особы из областного главка и отмечаются сугубо личные торжества. И именно оттуда сейчас веет ароматом недавно сваренного кофе. Уж в этом напитке я разбираюсь хорошо. Благоухающий на весь кабинет «Карт нуар», если Пётр Петрович не шутит, привезли ему «аж из самого города Парижу!»

Окуневский, вошедший первым, щёлкает каблуками и за-

мирает передо мной в позе оловянного солдатика. Миша слегка подталкивает меня вперед, и я упираюсь в спину капитана. Так и замираем в позе шестиногой гусеницы, до конца не вползшей в кабинет.

Старший по возрасту и званию опер, конечно же, мог пропустить нас в кабинет и уж, потом щёлкать каблуками. Но он с первой минуты даёт понять, кто из троих главный. Мол, не высовывайтесь, салажата...

И вот тут мне показалось, наверное, от кофейного аромата, что сейчас у меня и пытящего за спиной Миши Скворцова начнётся самостоятельная работа, которую придётся исполнить, не дожидаясь осенних дождей и снегопадов. Её в детективных повестях описывают, как «романтическое приключение» с погонями, стрельбой и непредвиденными встречами с опасными личностями. А они, эти личности, придуманную для юношей «книжную романтику» готовы превратить совсем не в happy end. Поверьте мне, ибо я однажды изведаль вкус жёсткой романтики.

Я хоть и старший лейтенант, но не Холмс, и даже не доктор Ватсон.

До сегодняшнего дня мне не приходилось выполнять настоящую оперативную работу. Как начинающему оперу, мне поручали совсем неинтересные рутинные дела, от которых старшие товарищи-коллеги отлынивали.

Короче, мне доверили проверку служебной документации у коллег в районных отделах полиции, иногда приглаша-

ют участвовать в различных рейдах по выявлению и задержанию правонарушителей, вина которых уже доказана, места их пребывания известны, и гоняться по ночному городу за ними не нужно.

Так что, спрятанную где-то в черепной коробке «дедукцию», которую мой шеф называет «тараканами», на деле применять приходится нечасто. И как раскрывать неочевидные преступления с «нулевого цикла» представляю с трудом. Я в душе всё ещё участковый уполномоченный. «Костюмчик» опера лишь примеряю...

Если «минорное дело», о котором вчера упоминал шеф, будет и в самом деле запутанным, то, очевидно, у нас с Мишей появится шанс проявить себя в качестве настоящих «сыщиков». И мы приступим к приобретению и накопливанию опыта, необходимого в оперативной работе...

Пётр Петрович сидит за рабочим столом.

У меня промелькнула мысль, что главный сыщик Энска не покидал свой кабинет со вчерашнего вечера. Та же поза, те же с вопросительным прицелом глаза, обезоруживающие каждого, входящего к нему посетителя. Только едва уловимый запах туалетной воды, смешанный с запахом кофе, и хорошо выбритое лицо говорят, что хозяин кабинета был-таки дома и получил от любимой супруги заряд бодрости на предстоящий рабочий день, который у остальных жителей страны является законным выходным. И этот жизнеутверждающий заряд шеф сейчас выплеснет на нас, плохо выспавших-

ся подчинённых.

Лично мне пара часиков дрёмы возле Зары не помешали бы.

Да и стажёр Миша Скворцов совсем не в форме, какой-то взъерошенный, с опухшими от недосыпа глазами. И на лестнице споткнулся – ногу на очередную ступеньку не смог поднять.

Мне вспомнилось, что одна из вчерашних девиц, наблюдавших за нами в ресторане, всё-таки «выудила» парня зелёными поплавками из толкотни, в момент задержания наркоторговцев, и что-то сказала ему на ушко. Неужели назначила парню встречу, и тому пришлось попотеть в крепких объятиях девы? При случае поговорю с Мишей в целях недопущения знакомств в общественных заведениях. Ибо такие связи чреваты последствиями с печальным финалом...

Впрочем, я могу и ошибаться. Просто молодому организму в выходные дни нужно отдыхать – нежиться в койке часиков до двенадцати...

– Здравия желаем, товарищ полковник! – приветствует Окуневский Токарева за всех нас. – Разрешите войти?

– Здравствуйте! Проходите, присаживайтесь!

Мы, под пристальным взглядом шефа, «ломаем» шестиногую гусеницу и бесшумно занимаем места на стульях, расставленных вдоль стены.

Пётр Петрович откидывается на спинку кресла и обращается к Окуневскому:

– Сергей Викторович, ты начинал дело майора Пронина, ты и расскажи его суть. И мне, и младшим товарищам. Только коротко. После пятиминутки, проводишь коллег на место происшествия и покажешь, где всё случилось... и что из этого получилось. А потом в свой отдел. Продолжим беседовать с задержанными вчера в общественных местах города распространителями «опия», «герача», «спайса» и прочего дурмана...

Окуневский встал, отошёл на пару шагов от нас и, сделав лицо очень серьёзным, стал рассказывать:

– Случилось это в прошлую субботу под вечер. В дежурную часть Зареченского отдела поступил телефонный звонок из 3-го отделения скорой помощи о констатации естественной смерти гражданина Пронина Григория Васильевича, в возрасте шестидесяти трёх лет, зарегистрированного по месту жительства в доме номер тринадцать по Прощальной улице. Одновременно из скорой помощи поступила телеграмма аналогичного содержания, подписанная главным врачом СП. Как известно по факту смерти возбуждается уголовное дело. После проверки информации и подтверждения факта естественной кончины, дело прекращается. Дежурный офицер майор Татарский направил меня на Прощальную улицу для осмотра места происшествия и опроса граждан, обнаруживших тело Пронина, или присутствовавших при последних минутах... Короче, покойного обнаружила супруга, Пронина Александра Сергеевна. Она в по-

следнее время постоянно проживает в посёлке Сокол, по месту своего рождения, где работает директором поселковой школы. Это в десяти километрах от Энска. Пронин некоторое время проживал там же. Дом на Прощальной улице был предоставлен семье майора ещё в период его службы участковым инспектором милиции Зареченского отдела и впоследствии приватизирован им на своё имя. В посёлок Сокол семья Пронина переехала после его отставки. Он там подрабатывал заведующим на овощной базе, а потом охранником теплиц. Последние два года нигде не работал. Занимался ремонтом дома на Прощальной. Ну и жил в нём. Супруга в прошлую субботу решила навестить мужа и обнаружила его в безжизненном состоянии. Он лежал на диване, одетым. Вызвала врача. Приехала скорая помощь и врач, поверхностно осмотрев покойного, констатировал смерть от обширного кровоизлияния в мозг. Инсульт. Прониной было предложено отправить тело мужа в морг при городской больнице номер пять. Она отказалась. Заявила, что прощание с мужем будет дома. И похороны состоятся на местном кладбище, оно рядом... Я опросил Пронину, составил протокол осмотра места происшествия по форме и в тот же день собрал материал и подготовил постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Начальник отдела подполковник Раков в этот же вечер рассмотрел материал и согласовал с дежурным прокурором. В общем, уголовное дело не возбуждалось в связи с естественной смертью гражданина Прони-

на. Воскресенье тело Пронина находилось вне гроба на разложенном посреди комнаты столе. В понедельник приехали сотрудники похоронного бюро, доставили гроб и стали готовить покойника к погребению. Омывали, брили, одевали и прочее. И в процессе этого действия обнаружили рану на голове Пронина. Они же сообщили об этом в городское управление полиции. Прибывший патологоанатом дал своё заключение. Причиной смерти гражданина Пронина явился не инсульт, а удар по голове сверху тяжёлым предметом, не установленной формы. В результате удара был проломлен череп, без повреждения кожного покрова. Вероятно, во время нанесения удара Пронин находился в головном уборе. Зимняя кепка, которую носил Пронин, обнаружена в прихожей на вешалке. Кроме этого он имел пышную шевелюру, что и не позволило проявить на черепе форму орудия преступления. Но этот предмет, по заключению патологоанатома, был тяжёлым, а удар по голове – сильным. Смерть наступила не сразу. Примерно часа через два после нанесения удара. Однако последовавшее после удара обширное кровоизлияние привело к летальному исходу. Об этом указано в заключение патологоанатома... При повторном осмотре места преступления, то есть жилых комнат и иных помещений дома Прониных на Прощальной улице, предметов схожих с предполагаемым орудием убийства не обнаружено. Ничего тяжёлого...

Окуневский посмотрел на Токарева и тихо добавил:

– Вот и всё, товарищ полковник... Похоронили майора Пронина во вторник на Восточном кладбище, рядом с домом. Супруга настояла. Она отказалась перевозить тело мужа в посёлок Сокол, и предавать земле на местном кладбище, рядом с его родителями. На похоронах присутствовали соседи по Прощальной улице, наши ветераны из Зареченского отдела, помнящие майора Пронина и его родственники: супруга, дочь. В общем, народу было много.

– И ты там присутствовал?

– Пронин был моим учителем. Он меня, после окончания средней спецшколы милиции, на участкового стажировал. А в оперативники я уже потом перевёлся. Так что проводил учителя. А вот на поминки никого не приглашали. Говорят, их и не было. Я с нашими пенсионерами у могилки рюмочкой помянул покойного, на этом и разбежались.

– И со вторника дело Пронина числится у нас в глухарях?

– Так точно, товарищ полковник!

– И ничего подозрительного в этом печальном событии ты, Сергей Викторович, не обнаружил? Чего-нибудь такого, за что можно будет зацепиться?

Окуневский пожал плечами.

Токарев утвердительно кивнул и достал из ящика стола папку скоросшиватель.

– Вчера я попросил подполковника Ракова переправить мне дело о гибели майора Пронина и ознакомился с имеющимися документами. Передо мной лежит хороший, я бы

сказал: очень полный материал для прекращения уголовного дела в связи с естественной смертью нашего коллеги. И совершенно сырой, ещё не начатый к реализации комплект отписок, знакомясь с которыми трудно понять, кому было выгодно погубить человека... Или смерть Пронина есть результат несчастного случая? И как он реализовался, этот коварный эпизод?.. Виктор Сергеевич, ты ничего не заметил, когда составлял протокол осмотра места происшествия?

– А что не так, товарищ полковник?

– Вот протокол. Прочти из него некоторые фрагменты вслух.

Окуневский взял папку.

– С чего начинать?

– Сначала.

– Протокол осмотра места происшествия, – начал капитан. – Дата – пятнадцатого сентября сего года, время – 19.45, место – город Энск... Я, оперуполномоченный Зареченского отдела капитан полиции Окуневский...

– Стоп, про себя не читай! Читай про Пронина. Его данные огласи.

– Пронин Григорий Васильевич, родился пятнадцатого ноль девятого...

– Опять стоп! Ничего на слух не рифмуется?!

– Не понял, товарищ полковник.

– Дата осмотра места происшествия и день рождения майора.

– Пятнадцатого сентября и... пятнадцатого ноль девятого...

– Ну?

– Выходит, что Пронин получил удар по голове в день своего... рождения?!

– И ты об этом узнал только что?

– Я как-то... не придавал этому значения... Там, в доме Пронина, было не до дней рождения. Жена рыдает, соседки пришли, плачут. Дочь приехала и сразу в крик.

– И ты скоренько накатал протокол и ходу оттуда?

– Ну, вроде того, товарищ полковник. Скрывать не буду.

– Объяснение Прониной Александры Сергеевны тоже записал на ходу?

– На другой день, в воскресенье... Она немного успокоилась и рассказала мне, как обнаружила мужа.

– Как же?.. Пожалуйста, подробнее. В объяснительной записке всего-то пара слов об этом. А здесь важны детали.

– Приехала Александра Сергеевна в Энск на рейсовом автобусе без четверти пять дня. До дома на Прощальной улице дошла пешком. Входная дверь в терраску была заперта на внутренний замок. Открыла её своим ключом. Дверь в дом тоже была закрыта, но не заперта. Пронин лежал на диване в одежде. Будто бы спал. Ничего подозрительного жена не заметила. Разделась и стала готовить ужин. Говорит, что примерно через час попыталась разбудить мужа... Ну и обнаружила, что тот мёртв. В доме есть телефон. Она позвони-

ла в скорую помощь, а врач после осмотра сообщил о смерти Пронина в полицию и в свою контору.

– И в доме, кроме покойного, Александру Сергеевну ничего не встревожило? Может быть, приметный для глаз беспорядок, накрытый стол с остатками спиртного и закусками. Всё-таки день рождения!

– Нет, ничего такого... Александра Сергеевна об этом мне ничего не говорила.

– А ты и не спрашивал?

– Нет, на эту тему, я не говорил. Повода не было. Умер человек своей смертью. Лежал на диване одетым и в обуви. Может, устал, прилёг отдохнуть.

– Ну да, иди теперь спроси у майора Пронина, сам он прилёг, или его собутыльники уложили!.. Так что, Виктор Сергеевич, за прошедшую неделю, ты так и не приступил к работе по раскрытию данного дела!

– Так ведь другими делами нас загрузили, товарищ полковник! Всю неделю боролись с наркоманами и наркодилерами.

– Намекаешь, что живых наркоманов нужно спасать? А праведные покойники подождут?

– Да ни на что я не намекаю, Пётр Петрович! Просто не было времени поработать над этим материалом.

– Ладно, не нервничай! Теперь у тебя два помощника. Ты им прямо сейчас покажи место преступления, познакомь с Александрой Сергеевной, озвучь свои предположе-

ния и догадки, выдвини возможные версии неочевидного события, а молодёжь уж сама разберётся, что к чему.

Токарев встал и протянул руку за делом. Окуневский передал ему папку. Мы с Мишей тоже встали. Я посмотрел на Петра Петровича. Он хладнокровно поглядывал на вход в будуар, откуда так соблазнительно веяло кофе «Карт нуар». Странная гибель коллеги его не очень-то расстроила. Или он умело скрывал свои чувства...

Окуневский окинул взглядом меня и Мишу. Из его карих глаз сквозило холодком откровенного недоверия к нам.

Миша в ответ стрельнул в коллегу юношескими синими брызгами и тот, ухмыльнувшись, отвернулся и спросил у шефа:

– Разрешите идти, Пётр Петрович?

Токарев бросил скоросшиватель с документами в ящик стола.

– Значит так: заведёте рабочее дело, составите план расследования, разберётесь с версиями и начинайте собирать материал. Вечером мне покажете. После ознакомления с территорией, то есть с местом преступления, ты Виктор Сергеевич, возвращаешься в свой отдел. Даю тебе полчаса! Там для тебя найдётся работа. Но, до этого – учи помощников! Учи! Всему, чему сам научился! – Шеф указал пальцем в нашу сторону. – Они будут работать самостоятельно. И как молодёжь станет раскрывать преступление, так я буду оценивать твоё, капитан, оперативно-розыскное творчество... Свобод-

ны!

– Это! – воскликнул Окуневский вслед исчезнувшему за ширмой Токареву, – Чему я их... за тридцать минут-то?..

Из будуара послышалось, как Пётр Петрович наливает напиток в чашку, стучит по ней ложечкой и начинает шумно прихлёбывать.

Окуневский, потоптавшись возле стола, повторно, с неудовлетворением во взгляде оценил наше с Мишей хладнокровие и махнул «на всё»... То есть поднял правую руку и резко опустил её.

– Ладно, студенты, пошли! – буркнул капитан и первым вышел из кабинета. – На чём поедем? – спросил он у меня.

– На «бригантине», – ответил я.

Электрические часы показывали: 10.09.

Быстро спускаемся по лестнице в дежурную часть.

Капитан притормаживает возле открытого окна в «аквариум» и обращается ко мне:

– Возьми папку с бланками, – Взмахом руки, всё той же, правой, прощается с майором Бабаевым и снова ко мне: – Будете записывать мои «лекции» по ходу дела.

– Уже взял! Она в «бригантине», – парирую я и добавляю для Бабаева: – Я на Прощальной улице, тринадцать...

Глава четвёртая

«Бригантина», это персональное средство передвижения, созданное немецкой компанией «БМВ». Автомобиль вручен мне руководством управления полиции как подарок в день нашего с Зарой бракосочетания девять месяцев тому назад. Думаю, что областное управление внутренних дел не стало бы разоряться на такой дорогой подарок за мои «подвиги». Вполне хватило бы внеочередного звания и ведомственной медали, которые я тоже получил. Тут вмешался адвокат, занимавшийся моим делом. Он своевременно подключил страховую компанию, которой пришлось выплачивать компенсации за вред, причинённый моему здоровью жадными до денег мошенниками, и за сожжённый ими же тридцатилетний автомобиль «Жигули» шестой модели ярко-алого цвета. На нём ещё мой отец ездил по закрытому городу Энску, будучи студентом пединститута.

Так как нашу почившую в огне «шестёрку» отец называл «бригантиной», а «дареный» УВД и страховой компанией автомобиль «БМВ» оказался аналогичного «окраса», то и ему по наследству досталось морское прозвище, благодаря гриновским алым парусам.

На Прощальной улице дома размещены только справа, в глубине покрытых опавшей листвой сквериков. Нумерация

нечётная и начинается по ходу нашего продвижения по убыванию, с девяносто девятого.

Мы въезжаем на улицу с кольцевой трассы, и сразу попадаем в «золотой мир». Над усыпанной листвой дорогой мохнатыми лапами нависают ветви могучих дубов, клёнов и лип, ещё не оголённые до наготы листопадом.

Яркие солнечные лучи, едва проникающие внутрь естественного золотистого тоннеля, превращают окружающее пространство в приватный сказочный мирок.

Жилые дома, в основном одноэтажные, воспринимаются как сельское поселение, не испорченное фоном современных небоскрёбов. Город Энск из этого уголка просто не виден. Здесь тихо и покойно. На улице не видно машин. А на широком тротуаре я не заметил хотя бы одного прохожего. Взрослые селяне наводят порядок на приусадебных участках, детвора помогает. Готовятся к зиме.

Слева вдоль улицы тянется высокий металлический забор, давно не крашенный, ржавый и местами накренившийся, или упавший на разросшийся с обеих его сторон густой кустарник. За ним, среди седых стволов лесных гигантов и зелёных клоков ещё не увядшего бурьяна, видны чёрные кресты и надгробные памятники. Это – Восточное кладбище. И его наличие тоже способствует умиротворению в окружающем пространстве.

К дому номер тринадцать мы подъехали, свернув на дорожку, соединяющую проезжую часть с широким тротуаром,

протянувшимся вдоль невысокой витиеватой оградки, спаянной из арматуры талантливыми сварщиками для обозначения приусадебных территорий.

– Живут прямо на кладбище! – сказал Окуневский и первым вышел из салона. Он сидел рядом со мной, а стажёр сзади. – Не люблю я этот дикий угол!

– А мне здесь нравится! – воскликнул Миша и последовал за капитаном.

Мне тоже здесь понравилось. Но я промолчал и, заглушив двигатель, последовал за коллегами.

Калитка не заперта. Капитан откинул внутреннюю защелку, и мы ступили на красивую дорожку, выложенную в ровном газоне из цветных бетонных блоков. Вокруг дома чисто. Я заметил, что летом за территорией ухаживали. Декоративный кустарник вдоль ограды подстрижен, трава скошена, на окружённых цветными кирпичами клумбах удалены засохшие стебли цветов и почва взрыхлена. Да и сейчас, в период активного листопада, на участке нет такого количества листвы, как в округе. Её убрали. Причём недавно.

Дом тоже выглядит ухоженным, построен давно, из прочного красного кирпича, с ломаной крышей, под которой, судя по большим окнам с тюлевыми занавесками, располагается благоустроенная мансарда площадью не менее чем на первом этаже. Широкая терраса, выкрашенная акватексом под цвет старого кирпича, встретила нас запертой дверью. На звонок никто не ответил и никто не вышел нас встре-

чать.

– Видимо, нас не ждали, – пробурчал Окуневский, стукнув для верности по двери кулаком. – Супруга уехала в посёлок Сокол, дочь тоже где-то обретается. У них свои квартиры, работы. И здесь им делать нечего. А этот уютный домик Александра Сергеевна, скорее всего, выставит на продажу.

Мне ничего не оставалось, как обойти дом и осмотреться.

Миша шёл за мной и с некоторой завистью во взгляде оценивал шикарную беседку в окружении высоких грушевых деревьев, кирпичный барбекю-мангал крытый металлочерепицей, качели под навесом и окружённый плодовыми деревьями и кустами уголок, где можно отдыхать, как на даче.

Я же, ко всему прочему, осматривал сам дом, не имевший каких-либо хозяйственных пристроек, погребов и курятников. Просто дом, без архитектурных излишеств, с большими окнами, укреплёнными резными ставнями, почему-то не закрытыми на период отсутствия хозяев. Казалось, что они где-то здесь, не далеко...

– Ну что, студенты? – проворчал капитан, встретив нас после кругового обхода. – Будем думать о планировании вашей работы?

– Будем, – соглашаюсь я. – Но нужно навестить могилку майора Пронина. Это далеко?

– Пешим ходом – пять минут. Ворота напротив, – капитан взглянул в сторону кладбища. – Пошли, провожу! Мне скоро

Токареву докладывать о проделанной работе.

– Что докладывать, Сергей Викторович? – спрашиваю я капитана. – Мы же ещё ничего не сделали.

– Вот об этом и доложу. – Окуневский первым выходит на улицу и с завистью смотрит на мою машину. – Доложу, что ничего не сделали, занимались осмотром места происшествия. Внутри попасть не удалось... – Капитан на секунду задумывается, а потом добавил к сказанному: – Мне кто-то из Слободского отдела про твоих «тараканов» рассказывал. Ты, старлей, разбуди их, умненьких, и с ними посоветуйся. Может чего-нибудь, и сочинишь... для вечернего доклада шефу. А я сей момент доложу то, что есть.

– Значит, обещанные лекции читать не будет, – таинственным шёпотом оповестил меня на ухо Миша.

– Не буду я читать вам лекции, – ворчит Окуневский, услышав резюме лейтенанта. – Вы оба с высшим образованием. А у меня всего лишь средняя спецшкола. Планированием и сыском займётесь согласно статьям, прочитанным в учебниках. Да и кое-какой опыт у вас уже есть. Не зря же вам звания и медали досрочно вручают. Да ещё и машины в придачу...

Это капитан уже не о нас...

Это он обо мне. Позавидовал что ли? Образование, звание, машина. Он бы ещё маму полковника медицинской службы вспомнил и тестя генерал-майора... Но я не обидчивый! Чего на стариков обижаться!

Окуневскому пора на пенсион. Лет ему за пятьдесят и выслуга на пределе... И чего он такой сердитый?

– Ну, тогда пошли к майору Пронину, – сказал я обоим спутникам, а Мише, тоже шёпотом: – Сами разберёмся. Слышал про тараканов?

– Да! Только я ничего не понял...

– О них, потом!..

И мы пошли за обиженным на жизнь капитаном.

Ощущение, которое я испытываю, ступив на территорию кладбища, можно сравнить с перемещением из пространства, в котором живут, в мир невидимых призраков. Я, конечно, их не вижу, но они существуют. Возможно, что только в моём воображении, ибо тут обитают души погребённых людей, проявляющиеся в сумерках и пугающие впечатлительных посетителей. И те не любят бывать в этих местах просто так, прогуливаясь. Не смотря на то, что здесь – тишина и покой. В городских парках этакой «благодати» нет.

О душах умерших, мне рассказывала бабушка. Она была верующей и занятой фантазёркой, последнее передалось мне по наследству.

Бабушка умерла давно и похоронена на старом военном кладбище. Я и родители навещаем её могилку в дни поминовения усопших. А один я к ней не приходил. Считая себя нормальным человеком и понимая, что всё это – выдумка, входя в мир усопших, всегда ощущал присутствие кого-то

рядом...

Чугунные ворота открыты. В сторожке пусто. И, похоже, давно. Она покосилась, окон и дверей нет.

Кладбище для официальных захоронений закрыто. Хоронить разрешается только на участки к родственникам. Об этом гласит объявление на проржавевшем металлическом листе, прикрученном проволокой к ограде.

Значит, у Пронина здесь похоронен кто-то из родственников.

Пройдя метров сто по центральной асфальтированной аллее, сворачиваем вправо, на грунтовую тропинку, поросшую низкорослой зелёной травой, прикрытой ковром из опавшей листвы.

– Ну вот, – говорит Окуневский и показывает вглубь кладбища. – Метров двести пройдёте и увидите. Она справа. А я в отдел. Между домами есть проход. Через пятнадцать минут буду на месте. Если что, звоните!

И он быстрыми шажками засеменил к выходу.

– Вообще-то я мог бы подвезти! – говорю я вслед коллеге.

– Да ладно, старлей, – не оборачиваясь, говорит капитан, – не беспокойся!

И всё. Теперь мы с Мишей получили полную независимость в действиях и суждениях.

Могилка приметная. Потому что вокруг разбросана свежескопанная земля, венки над рыхлым холмиком, деревян-

ный отлакированный крест в ногах с прислонённым к нему чёрно-белым портретом красивого мужчины.

Рядом старое захоронение. Надгробный памятник из серого гранита с хорошо выполненным абрисом женского лица.

«Градова Маргарита Семёновна». И даты: рождения и кончины.

Умерла девять лет тому назад в возрасте пятидесяти двух лет.

Девушка лет двадцати, в траурной косынке, сидящая на лавочке в стороне от могил, обратила внимание на нас, подошла, ответила на приветствие, поправила ленточку на одном из венков, взяла за могилой дерматиновую сумку, из которой выглядывала ошетиленная кошачья морда, и не торопясь пошла к выходу.

Я прочитал надпись на ленте.

«От дочери».

Там ещё были венки: от родных, от друзей, от коллег.

Возле креста, перед портретом, вазочка с цветами. И фарфоровая тарелка с наполненным гранёным стаканчиком. Наверное, с водкой. Родные поминали. Крошки хлеба и фантики от конфет разбросаны вокруг стопки. Птички угостились поминальными подарками.

Обращаю внимание, что и перед памятником Маргарите Семёновне стоит ваза с цветами. Букеты свежи, возложены сегодня. Наверное, этой девушкой... «дочерью».

Кто эта Маргарита Семёновна? Кем она доводилась Пронину?

– Ну что, лейтенант, начинаем следственные мероприятия?

– Начинаем, Максим Викторович.

Миша извлёк из нагрудного кармана телефон, настроил в нём фото функцию и несколько раз снял венки на могиле Пронина. Поправил ленту с надписью «от дочери» и запечатлел её. Потом, мельком взглянул на меня, сфотографировал и памятник на могиле Градовой.

– А теперь общий вид, – вмешался я, – с обеими могилами.

– Угу! – сказал Миша и, отойдя несколько шагов назад, щёлкнул последний кадр.

– Есть какие-нибудь соображения?

– Максим Викторович, нам бы эту девушки догнать!

– Догоним... Полагаю, она ожидает нас возле дома.

– Это – дочь?

– Пошли, спросим...

Глава пятая

Девушка сидит на ступеньке крыльца, уже без траурной косынки, и наблюдает, как кот, тот, что сидел в сумке, ест из старой алюминиевой миски. Ест с аппетитом. Видимо очень проголодался.

На нас никакого внимания. Но она ожидает гостей. Ведь не зря же моя «бригантина» стоит напротив её калитки.

– Вот и хозяйка дома, – констатирую я. – Или нет? – уже сомневаясь.

– Спросим, – говорит Миша вполне уверенным голосом. Обходим стоящую на пути «бригантину» и останавливаемся перед девушкой.

Она улыбается нам с нескрываемой грустью в серых глазах.

– Евгения, – представляется девушка.

– Миша, – представляется стажёр.

– А я – старший лейтенант полиции Рощин Максим Викторович, оперуполномоченный из Энского управления.

– Лейтенант полиции Скворцов. – Коллега изображает мину виноватого мальчишки и добавляет: – Михаил Иванович...

– Евгения, – подходя ближе к девушке, говорю я: – познакомимся более обстоятельно. Вы были у могилы Григория Васильевича. В каком родстве вы с ним находитесь?

– Там покоятся мои родители, мама и папа. – Девушка встаёт со ступеньки. – Я – Градова Евгения Григорьевна, их единственная дочь. А это мой дом.

– Вот это да! – восклицает Миша. – А мы думали, что...

Кот слизнул из чашки последнюю съедобную крошку, сел возле девушки, обернулся пушистым хвостом и принялся рассматривать стажёра. Мне показалось, что с уважением, которое отразилось в его зелёных глазах.

– Вам вероятно известно, что у моего папы есть жена и другая дочь? Так это правда. Но они зарегистрированы по другому адресу и здесь не проживают... А вы, собственно, по какому поводу навестили могилы моих родителей, а теперь и ко мне пришли?

Голос у девушки звучит уверенно. По спокойному тону вижу, что она не собирается возражать нашему пришествию в неурочное время. Но и удовлетворения от этого не испытывает. Стоит на страже дома надёжным цербером и терпит наше присутствие.

«А мы здесь, что бы добыть как можно больше информации по делу», – подумал я, но вслух это не произнёс. Не решился что ли?

Капитан Окуневский, словно сговорившись с полковником Токаревым, предоставил неоперившимся полицейским возможность начать расследование с нуля. И в данный момент мы кое-что узнали, что неизвестно им.

В материале на Пронина есть упоминание о дочери, ма-

ма которой жива. И ни слова об этой симпатичной девушке, у которой мама умерла, а папой был всё тот же майор Пронин.

Вполне возможно, что это очередной «финт» моего учителя. Пётр Петрович знает о погибшем майоре намного больше, чем Окуневский, и способен на «лукавые» поступки по отношению к подчинённым.

«К звёздам, юноша, нужно идти тернистым путём! – сказал полковник как-то, будучи не в духе. – А у тебя всё гладко и с горочки – толкать не нужно – сам катишься!»

Я понимаю шефа и на него не обижаюсь. Наоборот, стараюсь оправдать награды, внеочередное звание и немецкую «бригантину», выданную взамен сгоревшей отечественной «шестёрки»...

А в данном случае, по его «глубокому умозаключению», это – учёба... Или наказание?

Разберусь – опять премия; нет, – огребу по полной программе. И то и другое полезно для меня и стажёра.

Может быть, шеф просто инициирует моих, ещё спящих «тараканов», которые пришли ко двору в прошлом году?

А сейчас настало время превращаться из штабного писаря в оперативного сотрудника, разыскивающего убийцу...

Я старший в группе, пора начинать работать.

– Евгения Григорьевна, Энское управление полиции проводит расследование по факту смерти гражданина Пронина Григория Васильевича. Нужно кое-что уточнить. Если вы

не возражаете, мы зададим вам несколько вопросов, осмотрим место происшествия, начертим план дома. Это нужно для розыскного дела...

Спохватившись, достаю из кармана служебное удостоверение и показываю Евгении. Девушка внимательно изучает документ и удостоверяется в подлинности моей личности. На «ксиву» стажёра лишь бросает взгляд.

– Пройдёмте в дом и побеседуем, как вы говорите, «более обстоятельно», за чашкой чая. Там вы осмотритесь и начертите необходимый для дела план.

– С вашего позволения мы ещё и сфотографируем отдельные детали.

Миша показал Евгении мобильник.

– Пожалуйста, пожалуйста!

Девушка вошла первой. Кот юркнул за ней. Миша пропустил меня вперёд и аккуратно прикрыл за собой дверь.

В доме уютно. Пахнет по-домашнему. Здесь недавно что-то жарили или варили. И ещё здесь витал аромат лежалых яблок.

– Беседовать будем на кухне, – заявляет Евгения.

Из просторной прихожей мы попадаем в ещё более просторное помещение с кухонными атрибутами. Газовая плита, посудомоечная машина, огромный холодильник из нержавеющей стали. Посреди кухни красивый стол из толстого закалённого стекла. Над ним люстра. Тоже красивая и необычная. Штучное произведение искусства.

– Покажите нам место, где было обнаружено тело... Григория Васильевича.

Евгения оборачивается ко мне.

– Я не знаю... – В глазах испуг. – Я не знаю!

– То есть, как не знаете?

– Я только вчера узнала о смерти папы. Александра Сергеевна позвонила поздно вечером и сказала, что она похоронила отца, и я могу вступать в наследство домом, участком и всем имуществом. Кажется, она звонила из Сокола, где проживает с дочерью Валентиной... Валентина её дочь от первого брака.

– Значит, на похоронах вы не были?

– Нет, не была.

– Вы что, не контактируете с ними?

– С отцом я поддерживала связь: созванивались, встречались на стороне. С Александрой Сергеевной и Валентиной – нет.

– А теперь, чай, – напомнил я. – И ответы на следующие вопросы.

– Располагайтесь. – Девушка указала на стулья возле стеклянного стола. – Я включу чайник и отлучусь на минуту. Принесу документы, удостоверяющие мою личность и дающие мне право вступить в наследство через определённое законом время.

Евгения вышла из кухни.

– Максим Викторович, – зашептал Миша, – расследова-

ние может оказаться запутанным, но занятным! Интересно, кто убил майора?!

Кот под столом принялся тереться об наши ноги и громко мурлыкать. Сквозь прозрачную столешницу видно, как он стреляет зелёными глазками и вымаливает ласку. Миша хлопает себя по коленке, и скотинка тут же водружается на предложенное место.

– Это Василий, – представляет кота вошедшая Евгения. – Папа говорил, что Васька его единственный друг. Он от него не отходил. Остальные, это относилось к особам рода человеческого, числились у него в товарищах или в знакомых. Представляете, Васька после похорон папы, всё время пропадавал на кладбище. Весь пропах местными мышами. Вечером буду его купать... Я обнаружила его под венками. Александра с Валентиной после похорон уехали. А Ваську оставили. Он старый. Замёрз бы с наступлением холодов. А я вот нашла его. Теперь будем жить вдвоём... Будем скучать без нашего папы.

Я посмотрел на девушку. Она стояла в дверях, прижав к груди полиэтиленовый файл с бумагами. По её покрасневшим щекам скатывались слезинки. Признаюсь, я подумал, что родная дочь Пронина относится к смерти отца уж очень спокойно. словно его похоронили давно, а не неделю тому назад. Ан, нет...

– Извините! Вот документы...

Евгения кладёт файл на стол. Рядом с ним о стекло раз-

бивается капля...

– Я сейчас!..

И она выбегает из кухни...

Потом мы слышим, как дочь майора Пронина Евгения надрывно рыдает где-то далеко-далеко, за стеной, в одной из комнат большого дома.

Васька перестаёт ласкаться и мурлыкать. Порванные соседскими котами ушки напрягаются, и он принимается сканировать ими пространство. Источник звука определён. Васька, взглянув на Мишу, басовито мяукает и спрыгивает на пол. Потом снова прислушивается и выбегает из кухни.

Файл с документами мы не трогаем. Как-то неудобно копаться в личных бумагах в отсутствие их хозяйки.

Вода в чайнике закипела. Слабый щелчок и медленное пришествие тишины.

Мы ожидаем возвращения девушки, смотрим в окно, на приусадебный участок, на ворон, летающих над парковым массивом за пределами жилого квартала, на белёсое небо без солнца. Светило сейчас ярится на восточной стороне и в поле нашего зрения не попадает.

Траурная тишина не предполагает обсуждение полученной информации. Она располагает к умиротворению и безмятежному осмыслению оной...

А она, вышеуказанная «инфа», ещё ни о чём конкретном нас не оповещает.

– Извините. – Евгения вошла и сразу открыла сервант, до-

стала три чашки с блюдцами и расставила их на столе. – Может быть кофе?.. Мне так лучше кофе. Успокаивает.

– Тогда и нам, – сказал я.

– Растворимый? Или сварить?

– Растворимый. И, Евгения, пожалуйста, не суетитесь.

Мы вам соболезнуем. Ну что теперь поделаешь! Крепитесь!..

Я пододвинул файл с бумагами к себе.

Дарственная на землю... Дарственная на дом... Указаны размеры в сотках и квадратных метрах и место нахождения: Прощальная улица дом 13. Документы выписаны на Градову Евгению Григорьевну. К дарственным прилагаются свидетельство о рождении и совершенно бесполезные справки, подтверждающие родство. В домовое книжке значатся как постоянно прописанные или зарегистрированные пять человек. Среди них граждане: Пронин Г. В., Градова М. С., Градова Е. Г. Напротив Пронина Г. В. и Градовой М. С. есть отметки отдела миграционной службы об окончании регистрации в связи со смертью.

Видимо Григория Васильевича снимала с регистрации сама Александра Сергеевна.

Далее в книге значатся: Пронина А. С. и Пронина В. И. Обе сняты с регистрации в связи с убытием по адресу: посёлок Сокол, улица Школьная дом 4. Дата выписки трёхлетней давности.

Я вернулся к дате прописки супруги Александры Сергеевны и её дочери Валентины по этому дому. Получалось, что

они были зарегистрированы через год после смерти Градовой Маргариты Семёновны.

– Евгения, ваша мама и отец были зарегистрированы в ЗАГСе как муж и жена?

– Да, конечно. А фамилию мама решила не менять. У неё было много документов, выписанных на неё. Дипломы, аттестаты, финансовые бумаги на службе. Их замена и перерегистрация требовала времени. А меня записали на мамину фамилию, потому что она нравилась папе.

– Понятно. Так вы, Евгения Григорьевна, зарегистрированы по этому адресу?

– Убедитесь Максим Викторович, паспорт перед вами. Да и по домово́й книге числюсь только я.

Действительно, что за глупый вопрос?

И в паспорте всё в порядке. Дочь майора Пронина зарегистрирована по данному адресу с момента своего рождения.

– Да вы и так полноценная хозяйка. Потребуется лишь согласовать некоторые вопросы в дирекции домоуправления и заняться переоформлением наследства на своё имя.

– С понедельника займусь.

Евгения налила в чашки с растворимым кофе кипяток.

– Сахар по вкусу. – Поставила перед нами вазочку с рафинадом. – Печенья и бутербродов в доме нет. Уж извините!

– Обойдёмся, – говорит Миша.

Я размешал кофе без сахара и прихлебнул чуть-чуть. Это не элитная «Чёрная карта», которой соблазняется уважае-

мый шеф. Это просто «Арабика». Хотя в кофейные мельницы с указанными сортами могли фасовать семена из одного «мешка». Тут весь секрет в приготовлении конечного продукта.

Евгения садится напротив меня.

Я раскрываю папку с бумагами и начинаю записывать в опросный бланк ответы девушки:

« – Моего папу, Пронина Григория Васильевича, обнаружила мёртвым в доме по адресу: Прощальный переулок, 13 его супруга Пронина Александра Сергеевна. В прошлую субботу. Приехала проведать его из посёлка Сокол... Вызвала скорую...

– Врач скорой помощи выписал справку для получения свидетельства о смерти, проистекшей от скоротечного приступа инсульта... Истинная же причина кончины установлена позже, в понедельник, патологоанатомом...

– Об этом мне рассказала по телефону сама Александра Сергеевна. Вчера...

– Меня не оповестили о смерти папы, скорее всего, случайно...

– Александра Сергеевна – истеричка. Я могу вообразить атмосферу в доме в эти дни. Здесь было настоящее смятение. Сначала естественная смерть, потом насильственная. Полиция, суета, горе... и они забыли о моём существовании...

– Меня ведь и в самом деле не было в их семье... Я им

чужая... Или они просто не хотели видеть меня на похоронах отца. Не позвали... А ведь я находилась рядом...

– Я проживаю в Энске, на улице Ефремова дом 10. В квартире тёти Али, Алевтины Васильевны... Это папина старшая сестра. У неё не было своих детей, и я для тёти Али была как дочь... Муж у неё офицер Советской армии. Погиб в Афганистане... Давно это было. Она больше замуж не выходила...

– Александра Сергеевна даже не извинилась...

– У меня с ней никаких конфликтов не происходило...

– Я её видела последний раз, когда мне было десять лет.

Красивая женщина пришла в наш дом со своей дочерью Валей. Валя старше меня на два года. Я из-за неё убежала к тётке. Мне показалось, что папа любит Вальку больше, чем меня... Тогда я была очень ревнивой... Папка уговаривал меня возвратиться домой. Но вскоре согласился с Алевтиной Васильевной оставить меня у неё. И с тех пор я встречалась с отцом всё реже и реже. Окончила школу, поступила в институт...

– Меня воспитала тётя, тратила на меня свои деньги, личное время, здоровье. Папа, правда, помогал. А Александра Сергеевна терпела «непредвиденные» траты на моё воспитание. Папа на неё не жаловался, он её любил... Кажется, это было обоюдным...

– Тётя Аля умерла в мае этого года. Завещала мне однокомнатную квартиру. А от папы вот – дом, так что жильём обеспечена...

– А мама умерла давно... На заводе, где она работала, произошла авария. Она была инженером-радиологом. Облучение, и, как следствие, белокровие, лейкемия. По достижению совершеннолетия мне выплачивали небольшую пенсию от её предприятия... Теперь буду жить на стипендию и на тёткины сбережения. Или, скорее всего, придётся переводиться на заочное отделение и устраиваться на работу.

– Учусь на четвёртом курсе Политехнического института. Экономико-статистический факультет...

– В прошлую субботу в первой половине дня я была на лекциях и семинарских занятиях. После обеда сдавала зачёт и присутствовала на консультации по финансовому праву. Алиби могут подтвердить преподаватели и сокурсники.

С моих слов записано правильно и мной прочитано».

Евгения расписалась под объяснением. Потом достала из сумочки зачётную книжку студента Политехнического института, и мы удостоверились в наличии алиби. Дата, оценка и подпись преподавателя.

Миша, внимательно слушал рассказ девушки и впитывал полученную информацию. А ещё он рассматривал её и украдкой чему-то улыбался. Но Евгения заметила его взгляды и улыбки.

– Вы мне тоже нравитесь, товарищ лейтенант, – сказала она приятным и серьёзным голосом. – И, к вашему сведению, я не замужем, кавалером ещё не обзавелась. Поклонни-

ки есть, но только для посещения с ними кафе и кино. Тётя Аля воспитала меня в строгости... Об устройстве моей личной жизни сейчас говорить не время. Разве что дней через сорок... А сейчас приступайте к картографии, планиметрии и фотографии. У меня есть план дома, который я должна предоставить в жилищную контору. Снимите копию и расставьте на нём предметы мебели. Когда уточните место обнаружения тела папы, то отметите его на плане.

Юный коллега покраснел и кивком согласился с предложением хозяйки дома.

Евгения вздохнула. Если бы не траурность момента, то от «кафе» и «кино» девушка бы не отказалась. Кажется, мой стажёр застолбил её внимание.

«Прелестно! – подумал я. – Пока стажёр будет чертить план и опрашивать соседей, я навещу забывчивую вдову, теперь проживающую в посёлке Сокол».

Сообщил о своём решении Мише и укатил из Энска.

До посёлка от города около десяти километров. Если застану Александру Сергеевну дома, то, переговорив с ней, к обеду вернусь. То есть часам к двум дня. Сейчас на дисплее мобильного 11.20.

На мой звонок Пётр Петрович ответил коротко:

– Макс, я занят, созвонимся вечером.

Номера мобильного Окуневского у меня не оказалось.

Значит, будем работать без контроля сверху...

Глава шестая

Сокол – идеальное поселение сельского типа, построено давно, ещё в советское время. Расположен посёлок на плоской вершине холма среди берёзовых рощиц и теснящихся между ними, вспаханных под зиму, огородов. Вокруг холма течёт река Теква, берущая своё начало в северных болотах и краешком цепляющая город Энск.

На противоположном берегу чистенькой речки, огибающей холм голубой ленточкой метров десяти шириной, раскинулся современный тепличный комплекс, представляющий сельчанам работу, а городу Энску свежие овощи.

От посёлка к мосту через реку извилистой лентой спускается грунтовая дорога, перегороженная у перил современным пластиковым шлагбаумом. Возле сторожевой будки прохаживается охранник в пятнистой униформе. Увидев алую «бригантину» мужчина энергично машет полосатым жезлом, направляя моё продвижение в сторону посёлка и отворачивается, давая тем самым понять, что ни на какие праздные вопросы «пижона» в красной иномарке он отвечать не будет.

Дом номер четыре на улице Школьная я обнаружил рядом с двухэтажным зданием школы. И тут же увидел его хозяйку. Портрет «забывчивой мачехи» мне показала Евгения перед

моим отъездом.

Александра Сергеевна, высокая, строгая, на первый взгляд чуть старше сорока, в синем спортивном костюме и в чёрном платке, наверное, в знак траура, ходит по палисаднику с лопатой в руках и прихорашивает уже взрыхлённые клумбы с многолетними цветами. Аккуратно обрезанные черенки растений топорщатся на чёрном фоне клумб рыжими ёжиками, и хозяйка присыпает их сухим чернозёмом, что бы ни помёрзли зимой.

Дом представляет собой роскошную пяти стенную избу с широкой террасой справа и хозяйственной пристройкой сзади. Никаких других строений на участке за домом я не заметил. Огород вспахан и выделяется чёрным лоскутом на жёлтом от листопада фоне.

Осматриваю территорию и отмечаю, что жилплощадь, оставленная майором Прониным дочери Евгении на Прощальном переулке в Энске, выглядит куда богаче. Да и участок там раза в два больше.

Я останавливаю «бригантину» напротив дома и не спеша выхожу на песчаный тротуар. Александра Сергеевна, заметив моё продвижение в её сторону, втыкает лопату в клумбу и подходит к калитке вперёд меня. И открывает её, приглашая тем самым незнакомца на свою территорию.

– Здравствуйте Александра Сергеевна, – говорю я, останавливаясь перед распахнутой дверцей. – Я из управления полиции. Оперативный уполномоченный Рошин Мак-

сим Викторович.

– Здравствуйте, молодой человек. – Женщина отступает в сторону и указывает мне на тропинку, ведущую к входу в дом. – Проходите. Вы по поводу смерти моего мужа?

– Да.

– Я так и предполагала, что от вас кто-нибудь приедет ко мне. Ваш коллега капитан Окуневский был в доме на Прощальной улице, но ничего не спрашивал у меня о смерти Григория. Мне даже показалось, что он боится мертвецов. Сунул нос в комнату, посмотрел на покойного и утёк... Потом он ещё раз приходил. Я подписывала какие-то бумаги... Проходите же, не стесняйтесь!..

А я и не стесняюсь, я просто скромничаю. Иду себе потихоньку по выметенной от пыли грунтовой тропинке, прижимаю к себе папку с документами и думаю о людских судьбах. Мой фатум, счастливый и безмятежный, пока не в счёт. Я, о женском, что в русском фольклоре называется «долей». Она, эта самая доля-учесть-судьба, прямо-таки на моих глазах формируется у героинь нашего уголовного дела.

Вопрос, поставленный стажёром: кто убил майора Прони-на, волнует и меня.

Три фигурантки налицо. Все подозреваются в совершении убийства.

Только подозреваются... Не могут же они быть такими жестокими...

Или могут?..

День рождения майора Пронина ещё не исследован. Его нужно описать как можно подробнее. А для этого нужны свидетели. Они должны рассказать правду...

Расскажут, если захотят... если что-то видели... или что-то знают... или подозревают...

– Заходите в терраску. Мы с Вале́й здесь чаёвничаем.

Какие приветливые у нас женщины!

– Спасибо!

Я хотел было отказаться от чая, так как пятнадцать минут тому назад уже пил кофе от Евгении, но передумал. Хозяйка может обидеться.

– Александра Сергеевна, а ваша дочь Валя дома?

– В институте. Мы – потомственные педагоги...

– Учится в пединституте?

– Нет. Она закончила обучение в прошлом году. Сразу же поступила в аспирантуру. Продолжает учиться и преподаёт первокурсникам психологию.

– Вы, пожалуйста, дайте мне номер телефона дочери.

– Да-да, конечно... Вы располагайтесь. Через пару минут будет чай.

Я огляделся. В терраске всё проще и скромнее, нежели в городском доме. Старая мебель: круглый стол, накрытый клеёнкой, стулья с потёртой обивкой, у окна древний диван. На стене картина – пейзаж с видом на местную речку, только без моста и без теплиц...

– Это отец нарисовал, или, как говорят художники, на-

писал. Талантливым был. Стихи сочинял, рассказы. Книжку издал. Но это было давно, ещё при Советах. Тогда было проще напечататься... Он умер три года тому назад. Учителем-ствовал в нашей школе до самой кончины. А мама ещё раньше ушла. – Александра Сергеевна поставила на стол пластмассовую вазочку с печеньем и фарфоровую сахарницу. – Иду за чаем...

В доме Евгении пахнет яблоками и борщом. Здесь же я не почувствовал какого-либо запаха, присущего сельскому жилищу. Ну, разве что немножко тянуло стиральным порошком от чистенького покрывала, посланного на старом диване. Да с улицы через приоткрытую дверь тянет тленом от опавшей листвы.

Раскладываю на столе бланки для фиксации результатов опроса. Заполняю графы с уже известными мне данными фигуранта. Остальное запишу со слов и из документа удостоверяющего личность, то есть из паспорта. Дата и время. Сейчас: 11.43...

Сладкий чай с пресными крекерами я выпиваю в течение двадцати минут. За это же время выслушиваю, мысленно редактирую и записываю ответы на поставленные вопросы.

« – Я, Пронина Александра Сергеевна, в прошлую субботу, примерно в четыре часа дня, на рейсовом автобусе номер три приехала из посёлка Сокол в город Энск, что бы навестить мужа Пронина Григория Васильевича. Он в это время

должен был заниматься мелким ремонтом в принадлежащем ему доме по адресу: Прощальный переулок, дом 13...

– Дом по указанному адресу был выделен Пронину Г. В. в качестве служебной площади в период его работы в органах внутренних дел в должности участкового уполномоченного милиции. В дальнейшем Григорий этот дом приватизировал...

– На момент приватизации дома, по указанному адресу были зарегистрированы: первая жена Григория Васильевича – Градова Маргарита Семёновна и их дочь Градова Евгения Григорьевна.

– Маргарита Семёновна умерла девять лет тому назад вследствие тяжёлого заболевания...

– Через год после кончины Маргариты Семёновны я встретила Григория. Мы сошлись с ним, расписались в ЗАГСе, и я с дочерью переехала со съёмной квартиры к нему, на Прощальный переулок, 13...

– После переезда мы зарегистрировались по этому адресу...

– Евгения некоторое время проживала с нами. Но, из-за неприязненного отношения ко мне и моей дочери Валентине, ушла из дома и стала проживать у Алевтины Васильевны – старшей сестры Григория.

– Григорий постоянно контактировал с Евгенией. Помогал ей материально. Я этому не возражала. Не смотря на то, что у нас были материальные трудности, мы как-то выходи-

ли из создавшегося положения...

– Нет, лично я с Евгенией наладить отношения не хотела...

– И она со мной – тоже...

– Почему я и моя дочь Валентина выписались из дома Григория?.. Ну, потому, что Григорий постоянно намекал мне, что он свою дочь в обиду не даст. И жилплощадь будет принадлежать ей. К тому же у моих родителей есть свой дом. Этот дом, в посёлке Сокол. После смерти моей мамы, отец стал болеть. Он продолжал учительствовать в поселковой школе, но ему было трудно поддерживать себя. Мне пришлось оставить работу в Энске, я преподавала литературу и русский язык в школе номер семь, и переехать сюда. Здесь мне предоставили возможность трудоустроиться в местной школе и в прошлом году предложили должность директора. Я согласилась. Потом папа умер. Мы с Валентиной зарегистрировались в этом доме.

– Григорий ушёл в отставку давно. Некоторое время проживал с нами в посёлке Сокол и работал заведующим на складе готовой продукции при местной теплице. Потом охранником в нашей школе. Последние года два нигде не работал. Ездил в Энск и там занимался своим домом. Вы, наверное, были на Прощальном переулке и видели, как выглядит его дом. Не сравнить с нашим...

– Он и в моём доме делал мелкий ремонт. Труженик. Этого у Григория не отнять. Но в дом дочери он вкладывал и си-

лы и средства...

– В прошлую субботу я пришла в дом Григория... Дверь в терраску была заперта на замочную защёлку, отпираемую только изнутри. То есть без ключа не открыть. У меня были ключи. Я открыла двери... Я вошла в дом...

– Он... лежал на диване в большой комнате... Был одет. По виду – спал... Он всегда отдыхал на этом диване... Ну, думаю, утомился и прилёг... Обувь почему-то не снял...

– Нет, я не сразу обратила внимание, как вы говорите, на странности в позе Григория, и на окружающую обстановку... Ну не снял ботинки. Они были чистыми, а диван накрыт старым пледом... Я на это никак не отреагировала...

– Да-да! Я помнила, что у Григория день рождения!.. Поэтому я и решила навестить его... Я привезла торт, бутылку грузинского вина, подарок... Я купила ему кожаную куртку. Он мечтал о такой куртке...

– Ну да, я подумала, что он спит, и пошла на кухню. А вот там, я на это тогда обратила внимание, на столе стояли две бутылки минеральной воды и бокалы, лежали три чистые тарелки с вилками... Кроме бокалов там были стопки... Маленькие стаканчики для водки... Мелькнула мысль, что ждал меня и Валю...

– Нет, бутылок с водкой или вином на кухне не было...

– Пустых бутылок тоже не было...

– Нет, не похоже, что там распивали спиртные напитки.

И закуски в холодильнике были нетронутыми. А ещё на пли-

те стояла большая сковорода с жареной на сале картошкой. Григорий любил жареную картошку. Я ему запрещала, есть эту «отраву». Сплошные канцерогены... Картошка была ещё тёплой... А ещё на рабочем столе стояла открытая банка с маринованными огурцами, но непочатая... Банка открытая, а огурцы из неё не доставали... И тарелки на столе были неиспользованными... И вообще, в кухне наблюдался порядок, и в доме тоже... Я убрала лишнюю посуду. Думала, что кроме меня на именины никто не придёт. Хотелось побыть с ним наедине...

– А Григорий, как мне думалось, спал...

– Не подходила я к нему минут сорок... Настроение у меня было прекрасным. Пусть, думаю, поспит муженёк. Накрыла стол к ужину на двоих... На улице стало темнеть... Знаете, я ужасная трусиха и боюсь темноты. А у нас кладбище рядом... Бездомные собаки там собираются, устраивают такой гвалт, не приведи господь... Это я о себе. Но в тот день настроение было хорошим...

– Ну вот, пошла будить Григория... А он какой-то странный лежит. Лицо серое. Я ладошкой щупаю его лоб. Он у него мокрый и совершенно холодный. Приложила ухо к груди, ничего не слышу. Пульса нет... Руки у него лежали на груди, как у покойника. Я пульс щупаю, а рука как будто одеревенела, не слушается... Вот тут-то у меня и началась истерика... Я к соседям в 15-й дом. Там Варвара Трофимовна, подружка моя, выслушала мои истерические вопли и по-

звонила дежурному скорой помощи... Врач скорой помощи, старичок, сам еле ходит, посмотрел, пощупал и говорит мне: вызывайте перевозку в морг. Инсульт... обширный... А у меня всё онемело. Еле-еле объяснила ему, что кладбище рядом, хоронить будем из дома, рядом с покойной женой. А он мне справку выписал на получение свидетельства о смерти и говорит, что из похоронного бюро приедут, скорее всего, в понедельник. Заказов у них много...

– Чуть позже пришли Варины сыновья и помогли поместить тело в большой комнате на развёрнутом столе... Дочь приехала... Опять слёзы...

– Ваш Окуневский появился и исчез. Мне не до него было...

– Нет, Евгении я не звонила. Да у меня и номера её телефона не было. Я только вчера, просматривая записные книжки Григория, обнаружила его. И сразу же сообщила... Обо всём рассказала...

– Конечно же, было стыдно... И сейчас – тоже...

– А криминал выявили сотрудники из похоронного бюро. Позвонили в полицию и в судебно-медицинскую экспертизу. Капитан Окуневский снова приходил, составил протокол... Эксперт осмотрел тело покойного, взял образцы на анализы, и говорит мне: ваш муж убит... Предложили направить тело в морг. Однако машины перевозящей покойников долго не было. Эксперт куда-то позвонил, а потом спросил, могу ли я повторно вызвать бригаду из бюро, что бы подгото-

вить тело к захоронению. Разрешили, значит, обойтись без доставки в морг... Вот и всё!.. Приехали серьёзные мужчины, помыли моего Гришу, одели в казённый костюм и в гроб положили... На следующий день отнесли муженька на кладбище, к первой супруге Маргарите. Так что справедливость соблюдена... А я, наверное, обоснуюсь на здешнем погосте, с родителями...»

Глава седьмая

– Ещё чаю? – спрашивает Александра Сергеевна, увидев, что я положил ручку на стол и начинаю разминать затекшие пальцы.

– Спасибо, не откажусь.

– Почерк у вас каллиграфический!.. А у нас учителя пишут как доктора. И детей учат подобному «чистописанию». А раньше-то, грамотные судари и сударыни такую красоту создавали! Какие письма писали друг дружке! И всего лишь гусиными перьями! Любо дорого посмотреть. И что писали! Весь мир читает, и долго будет читать наших предков!.. А сейчас новое поколение ничего не читает, и ничего не пишет. Эпистолярный жанр совсем загубили. Остались одни «эсэмэски».

Вздохнула и ушла в дом готовить новую порцию чаю.

...Ну а мы, полицейские, разумеется, не в счёт. Потому что не судари и пишем шариковыми ручками всякую чушь. Всего-то совпадений с потомками – каллиграфия. Да и то без завитушек...

Прочитал написанное.

Логика вроде бы прослеживается. Если криминал подтвердится, то по нашим с Мишей маршрутам пойдут более опытные следователи.

А что на данный момент имеется у нас? То, что подсказывает или намекает сыщику на искомое. Ничего... Есть женщины, уважавшие и любившие майора Пронина. Не могли эти женщины убить хорошего человека: любящего и любимого отца и мужа.

Сегодня нужно успеть побеседовать с Прониной Валентиной.

И все полученные от родственников сообщения нужно проверять. Так как алиби у них зыбкие...

А что основательное? Что непогрешимо и не требует доказательств? За что можно зацепиться?

Вот здесь вырисовываются какие-то гости. Три прибора на столе, значит, без именинника, не менее двух. Были или не были они в доме Пронина? Если были, то могли наследить. Но в доме чисто. Прошла неделя. Александра Сергеевна в первый же вечер всё стёрла. А преступники, не факт, что званые гости, за несколько часов до её прихода убили Григория Васильевича и унесли с собой орудие преступления... Да и следы могли потерять.

Отсутствие спиртных напитков, тоже факт, требующий проверки. Толи водку не успели приобрести в торговой точке, толи запланированные Прониным «гости» унесли её и выпили в другом месте, без именинника. И гости ли это были?

И вообще, проживать на пригородном Прощальном переулке в небедном доме, одному, без контроля соседями окру-

жающего пространства – опасно. Мало ли завистников бродит по пригородным дачам и малолюдным переулкам.

Вот «пришлые людишки» и нагрянули, и сделали своё чёрное дело.

И никто не услышал, и никто не увидел...

А я должен услышать в озвученном фигурантами суть, и отыскать в увиденном «факты», которые помогут мне выполнить свои обязанности – раскрыть преступление. То есть найти убийцу...

Александра Сергеевна ставит парящую чашку с чаем передо мной и медленно садится напротив.

И смотрит мне в глаза. Вопросительно смотрит, словно не я сыщик, а она.

– Вы будете искать убийцу?

– Уже ищем... У меня к вам, Александра Сергеевна, есть ещё вопросы.

– Да, конечно, спрашивайте. Я отвечу...

– Скажите, у Григория Васильевича были друзья? Те, кто приходил к нему в гости, с кем он встречался на стороне. Он был охотником, или рыбаком?

– Охотником – нет. А с местными ребятами в нашей речке время убивал. Бывало, наловит мальков и везёт их коту. Они друг друга просто обожали, мой Гриша и кот Васька... А насчёт друзей, я не очень осведомлена. В Энске к нему чаще всего приходил капитан Окуневский. Но он с ним не дру-

жил. Контактировали по линии службы. Это Гриша так выражался. Мне кажется, ваш капитан недалёкий человек. Он всё время о чём-то советовался с Гришей, хотя тот уже был на пенсии... А с местными, с поселковыми мужчинами, Григорий не дружил. Они все пьющие.

– А Григорий Васильевич не пил спиртное?

– Скажу так: не злоупотреблял. Вообще-то, мужских компаний он не чурался, но и не засиживался с ними до потери морального облика. Говорил бражникам, что водка невкусная, и вовремя уходил из их общества.

Я усмехнулся. Ибо тоже считал, что водка по вкусу – не смак.

– А отношения с соседями?

– Хорошие. Я дружила с соседками. А Григорий... с мужским населением мог контактировать разве что по линии ремонта дома.

– Он мог пригласить кого-нибудь из знакомых мужчин домой и угостить их в качестве оплаты за оказанные услуги? Например, за помощь в ремонте.

– Да, мог. Но искать таковых помощников вам придётся самим.

– Спасибо за совет. Теперь скажите, каким ремонтом Григорий Васильевич занимался в последнее время? Что он делал?

– В этом доме заменил пол... По мелочам много чего сделал.

– А в Эנסке?

– На Прощальном переулке?

– Да.

– На прошлой неделе он менял электропроводку в мансарде. Вам нужно самим посмотреть, что там сделано. Я в эти дни на мансарду не поднималась.

– У Григория Васильевича был мобильный телефон?

– Был!.. Был телефон при нём в тот день... Ему даже кто-то звонил, уже мёртвому. Врач осматривал тело. Он вынул трубку из кармана Гриши и протянул мне... Я не знаю, кто ему звонил. Не представились. Но, спросили Григория. А я, кажется, сказала, что он умер... И трубку отключили. Телефон всё ещё находится в Эנסке, на Прощальном переулке... Я его в ящик письменного стола положила... В Гришином кабинете...

– Александра Сергеевна, вы не могли бы начертить схему дома? Того, что на Прощальном переулке? Приблизительный план, для уточнения места... где Григорий Васильевич...

Она кивнула, взяла у меня ручку, чистый лист бумаги и уверенными движениями создала то, что было необходимо для расследования.

– Это – Гришин кабинет, – стала пояснять Александра Сергеевна. – Это – большая комната. Здесь: спальня, гостиная, прихожая, кладовка, кухня, терраска, лестница на мансарду. Мансарда без перегородок. Один большой зал.

– Где лежал Григорий Васильевич?

– Да-да. Мебель. – Александра Сергеевна начертила на схеме несколько прямоугольников. – Вот это диван в большой комнате. Гриша лежал на нём... А телефон лежит здесь, в верхнем ящике стола. Вам, наверное, нужно открыть дом и кому-нибудь из нас поприсутствовать при осмотре места происшествия?

– Нет, спасибо. Там сейчас Евгения Григорьевна. И я с коллегой стажёром уже побывал в доме. А вам в ближайшее время придётся приехать в Энск, в районный отдел полиции и дать показания следователю. Если подтвердится криминал. То есть насильственное лишение жизни с каким-либо умыслом.

– То есть, Гриша мог погибнуть не от руки убийцы? Например, споткнуться, упасть, удариться головой о стену, доползти до дивана, лечь на него в позе покойника и спокойно умереть?

– Александра Сергеевна, такой сценарий вполне мог произойти. Но он трудно доказуем. Всё, что случилось в вашем доме, произошло без свидетелей... Вернее, мы таковых ещё не выявили. Ищем.

– А полиции было бы выгодно списать смерть Григория на несчастный случай. То есть умер Гриша, упав с высоты собственного роста. Сам виноват. Ведь падал и умирал человек без свидетелей.

– Или при свидетелях, которых мы ещё не вычислили.

И они, или лица причастные к смерти Григория Васильевича, возможно, где-то обитают в нашем городе Энске, к нам в полицию с повинной не являются, истину открыть нам не желают.

– И вы, молодой человек, с таким же юным стажёром, будете разыскивать преступников?

– Уже разыскиваем, Александра Сергеевна. Ищем преступников, ищем свидетелей, явных и косвенных. Кто-то что-то должен знать, что-то видели, или слышали...

– У вас чай остывает. – Александра Сергеевна встала из-за стола, подошла к двери терраски и открыла её. – Это в телесериалах полиция раскрывает преступления. Оперативно и красиво. А на самом деле ваши коллеги не имеют необходимого опыта в сыском деле. Нет специального образования и острого ума. Да и особого желания копаться в человеческом мусоре, тоже нет. Ваш Окуневский видно не оправдал доверия начальства, и прислали вас, молодёжь. Вот какое у вас образование, молодой человек?

– Окончил Энский пединститут. Историк.

– С ума сойти! – Александра Сергеевна глубоко вдохнула уличный воздух. – У нас педагогов не хватает. Присылают девчонок после пединститута, а они, то замуж за военного выйдут и за ним в путешествие по стране, то в наши теплицы зелень выращивать. Там платят больше и местная детвора нервы не треплет. Мой папа был единственным мужчиной в нашей школе... А вас, молодой человек, что напугало

в педагогике?

– В педагогике меня ни что не напугало. Я хотел стать учителем истории, как и мой отец. Он работает в школе. Любит своё дело. И он же периодически намекает мне, что моё призвание – быть учителем. А я по воле случая попался на крючок моему однокласснику, уже служившему тогда ещё в милиции, в должности инспектора ППС. Я поддался его агитации, прошёл комиссию и начал работать: сначала инспектором службы, потом участковым уполномоченным, а сейчас, уже полгода, оперативным уполномоченным полиции. Мне нравится. К переменам в профессии не стремлюсь... Александра Сергеевна, вы о полиции плохо не думайте. К нам на службу разные люди приходят. Как и в вашу образовательную систему. Время, субстанция постоянная. В своём течении оно освобождается от легковесного мусора. А то, что держится во временном потоке длительное время, то и составляет его фундамент.

– Любите философствовать, молодой человек? Похвально.

– Александра Сергеевна, на этом философском моменте закончим нашу беседу. Но мы ещё встретимся. Потому что я узнал от вас не всё. Я не сообразил о чём ещё вас спросить, и вы что-то не вспомнили. Я запишу номера ваших телефонов, рабочего и мобильного, и оставлю свою визитку. Если что вспомните, звоните... Да, пожалуйста, напишите мне телефон вашей дочери Валентины...

Александра Сергеевна расписалась на бланках с объяснением и собственноручно записала в мою рабочую тетрадь номер телефона дочери Прониной Валентины Михайловны.

Я поблагодарил хозяйку за чай и попрощался.

Вышел на улицу, обернулся.

Александра Сергеевна стояла в дверях, смотрела мне вслед, а по её щекам бежали слёзы. И она их вытирала уголком траурного платка.

Посидел пару минут в «бригантине», поразмышлял о дальнейших действиях.

Нужно возвращаться в Энск. И нужно позвонить Валентине Михайловне, назначить встречу, лучше бы на сегодня. Могу подъехать к институту, в котором она преподаёт.

А сейчас узнаю, как идут дела у стажёра Скворцова, и доложу о наработанном материале Петру Петровичу. Звоню лейтенанту...

Миша бодрым голосом сообщает, что он с помощью Евгении начертил-таки план дома. В данный момент оба собираются пойти на кладбище и поискать там Ваську. Сбежал из дома. Наверное, к Григорию Васильевичу. Скучает по другу.

Выслушав доклад, порекомендовал стажёру навестить соседей по Прощальному переулку и побеседовать об их контактах с майором Прониным. То есть выяснить, кто навещал Григория Васильевича в последнее время вплоть до про-

шлой субботы, или к кому он заходил, и с какой целью. Выявленных «контактеров» и свидетелей контакта опросить. Записать данные и телефоны ближайших соседей, которые добровольно согласятся присутствовать при проведении возможных следственных действий в качестве понятых. Это на всякий случай.

Погрустневшим голосом Миша согласился с моим планом.

Полковник Токарев не был занят и спокойно выслушивает мой тезисный доклад о проделанной работе.

– Значит, родную дочь Гриши вы нашли?

– Пётр Петрович, она сама нашлась.

– Ну да. – Токарев некоторое время молчит. – А Сашка, значит, не соизволила найти Евгению и сообщить ей о смерти отца?

Сашка!? Значит Токарев знаком с ней? Впрочем, почему бы и нет...

– Суета, стресс, – говорю я. – По её словам, не до падчерицы было.

– А её родную дочь, Валентину, будешь искать?

– Номер телефона есть, сейчас позвоню.

– Стажёр не отлынивает? Ты, Максим Викторович, его не балуй. Пусть бегают...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.